

The background of the cover is a dark, atmospheric forest scene. Sunlight filters through the trees, creating a misty or ethereal atmosphere. In the center-right, a large, dark, horned creature with a humanoid form and large, branching antlers stands. It has a menacing expression and is looking towards the left. In the lower-left foreground, a small girl with long, reddish-brown hair is seen from behind, looking towards the creature. The overall mood is mysterious and slightly ominous.

16+

Сергей Савин

Шёл нашёл потерял

Сергей Савин
Шёл нашёл потерял

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51837032

SelfPub; 2020

Аннотация

Городские жители беспечны и жестоки. Им ничего не стоит вырубить древний лес и спокойно спать, не думая о последствиях. Зря они так.

Солнечные лучи мягко прокрадывались сквозь щели в досках: гаснущее светило лениво ощупывало пыльную взвесь в комнате. словно осторожные пальцы слепого, золотистый свет касался гротескной фигуры в центре комнаты. То ли дерево, то ли очень высокая и корявая вешалка для одежды. А может быть – колонна или шкаф.

Я шёл вперёд, а скрипучий пол пел под моими шагами.

То, в центре комнаты, медленно повернулось ко мне. Видно было, что движения даются ему с трудом; вниз сыпались кусочки коры и вялые листья. В полужасохших ветвях, ближе к верхушке открылись мутноватые глаза. Слабый сквозняк принёс еле слышный запах мяты.

– Здравствуй, – у него был спокойный усталый голос. – Не думал, что она выберет именно тебя. Но уж вышло как вышло.

Я кивнул. Что говорить, я не знал. Что можно сказать существу, которого не может быть в комнате, которой не должно существовать?

Он не обратил внимания на мой кивок. Его взгляд блуждал где-то далеко. Он вздохнул.

– Я говорю: твоя тропа подошла к перекрёстку, и большая часть путей с него уходит во тьму.

Пыльным золотым пальцам надоело ощупывать старые доски. Свет тускнел, голос стал тише.

– Помоги мне, и я покажу тебе нужную тропу...

Я помотал головой: теперь я помогаю только себе, и боль-

ше никому. Ничего личного. Больше никакого личного.

Низ живота резко потянуло.

Я сел на кровати и запустил пальцы во влажные волосы. Потряс головой. Перед глазами плавали цветные пятна, мутные остатки сна (энт, пыль, доски: редкая чушь снится на новом месте!) нехотя растворялись за веками, в ушах гудело. Пошарил на тумбочке, чуть не своротил лампу, нащупал мобильник. Долго смотрел в экран, иконки играли в чехарду, подписи под ними сливались и снова разъезжались.

03:44.

Сколько здесь относительно Москвы? Плюс час? Два?

Резь в мочевом пузыре повторилась. Да ёшкин кот, нет чтобы до утра потерпеть. Ноги попали в тапки не сразу. Где у этой лампы выключатель? Ага.

Щёлк.

По стенам маленького гостиничного номера потёк тусклый свет. Хорошо, теперь можно встать, и... Глаза упёрлись в большое зеркало – главное украшение платяного шкафа, метр до него, не больше – и остановились.

У меня за спиной кто-то спал. Длинные русые волосы рассыпались по подушке, тонкая рука поверх одеяла. Девушка?

По позвоночнику замаршировали мураши. Маленькие лапки отбивали ритм по нервам. Я же только вчера приехал! Из аэропорта двинул прямо в гостиницу, и сразу завалился спать: перелёт выдался тяжёлый.

И вот. Натё.

Не отрывая взгляда от зеркала я протянул руку назад. Сейчас я аккуратно потормошу гостью за плечо, она проснётся и мы всё выясним.

Пожалуйста, хоть бы её там вообще не оказалось!

Вместо женской кожи, пальцы ухнули в темноту. Морозную, такую же, что царила за окном. Я повернулся. На другой стороне кровати было пусто. Холодные, будто только с улицы, простыни. И – смятое, словно отброшенное после сна – одеяло.

Низ живота вновь настойчиво напомнил о себе. Ох ты ж, блинский!

Я распахнул дверь санузла и бросился к унитазу.

Блаженное журчание вернуло меня из мира грёз окончательно. Ну привиделось, бывает. Наложилось одно на другое. Смена часовых поясов, бесконечно медленная очередь на регистрацию, беготня между гейтами перед посадкой и...
...тот вечер перед вылетом.

«Нет. Спрячь кольцо, не позорься».

И отражения, смеющиеся отражения в длинных, до пола, зеркалах. Говорят, раньше мастера добавляли в стекло золото, чтобы отражение было краше. Кажется, в том ресторане зеркала были с углём. Или с гранитом. Я смотрел в них и видел, как мой мир раскалывают презрительные полуулыбки.

Всё было зря, все эти годы. Обида и злость взмахнули колючими кнутами, погнали мысли по натопанному кругу.

Да пошла она!

Я подошёл к раковине и открыл воду. Еле тёплая струйка защекотала ладони. Повезло, что не ледяная. Сейчас умоюсь, может удастся снова заснуть.

Занавеска душа колыхнулась. Ярко-синие цветы на бледном поле качнули головами, лампа на потолке мигнула, в зеркале над раковиной скользнула тень. Васильки на занавеске потемнели, стебли пожухли и вытянулись, очерчивая женский силуэт. Силуэт становился всё темнее и темнее, постепенно наливался темнотой как жертвенная чаша кислой кровью.

Женщина за занавеской начала поднимать руку.

Я выскочил и захлопнул дверь. Влип в неё спиной и упёрся ногами в пол. В груди бухало. Я замер и прислушался.

Вжжжж.

Отъехала занавеска душа.

Шлёп.

Босые ноги по кафелю.

Шлёп.

В горле стал огромный ком. Его хотелось проглотить или выблевать.

Шлепки затихли. Вздрыбленными на загривке волосами я ощутил шуршание.

Она гладит дверь. Я чувствовал как холодны её пальцы, как длинные твёрдые ногти тихо скребут сквозь дерево пря-

мо по моим нервам. Сверху вниз. Неспеша. Морозные полосы ползли по моей коже. Она стояла с той стороны и выбирала словно придирчивый покупатель в мясной лавке.

Я забыл как дышать, проклятый ком стал больше.

Стылая тишина повисла в воздухе.

Сейчас она повернёт ручку.

Гротескные тени ползли по стенам: от лампы на тумбочке проку почти не было.

Или пробьёт дверь когтями.

Левая ладонь нащупала гладкую пластмассу. Не думая, что делаю, я щёлкнул выключателем.

Разочарованный холод немного отступил. Ей нравилась темнота. Играть при свете скучно.

Я прилип к двери, хотел от неё отойти и не мог: чувствовал, что если сделаю хоть шаг, упаду; колени дрожали. Потом я понял, что не дышу уже минуту и со всхлипом всосал в себя воздух.

Валить отсюда! Немедля! В аэропорту переночую!

Я выскочил в коридор. Сердце пульсировало бешеным тамтамом. Направо! Там лестница! Бесконечный коридор тонул в полутьме. Лампы горели через одну, их тусклый свет как в чёрной дыре терялся в тёмно-красном ковре с чёрным геометрическим узором. Короткий жёсткий ворс колот ступни. Я нёсся вперёд. Сейчас будет холл с мраморными колоннами, потом пару этажей вниз, ресепшен, двери с тугими доводчиками, такси, самолёт, дом...

В холле от высоких колонн исходило мертвенно-бледное свечение, тени со стен и пола перетекали на светлый мрамор и обратно. Люстры не горели, только с потолка мрачно подмигивал алый глаз пожарной сигнализации. Пол обжѐг ноги холодом.

Узоры на ближайшей колонне сложились в глаз с пятью зрачками. В мерцающей полутьме скрипнуло. Так скрежещет нож по стеклу. Или длинные кривые грязные острые когти по мрамору.

Я попятился. Спина упѐрлась в дерево. В правый бок больно впилось что-то. Я подпрыгнул и обернулся. Дверь. Откуда тут дверь?!

Скрежет повторился.

Руки сами повернули ручку, я вбежал внутрь. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда!

– Ты боишься, – грустно констатировал мой собеседник.

Овальные листочки на его спине повернулись к солнечным лучам, пробивающимся сквозь щели. Еле уловимо пахло сиренью и мятой.

Он повернулся ко мне; туловище вслед за головой; облако пыльцы словно нимб.

– Она вкусила твоего страха, и теперь не успокоится, пока не выпьет эту чашу до дна.

Я смотрел на его коричневые ладони размером с хорошую лопату. И на тело, увитое плющом. Смысл его тихих скри-

пучих слов болтался в воздухе вместе с пылью.

– Я сплю! Это всего лишь кошмар!

– Да, – кивнул он. – Кошмар. Для тебя – кошмар, а для неё – весёлая и очень питательная игра.

Я вспомнил, как ковёр царапал ступни. И холод за занавеской. Чушь! Неправда! Не бывает!

– Послушай, – продолжил мой собеседник – тебе не бежать. Сегодня ночью ты – её принц, к утру она выбросит твоё тело и пойдёт искать новую игрушку. А я останусь здесь, буду горевать и надеяться, что в следующий раз получится.

Он умолк и снова повернулся к щелястой стене. Его плечи обвисли, кисти болтались чуть не у колен. Мягкое золотистое покрывало света легло ему на плечи.

Я поправил трусы. Больше на мне ничего не было, так пусть хотя бы трусы сидят ровно. А то как абориген какой. В конце концов, я – высокоплачиваемый специалист, прибыл в командировку, по контракту между моим работодателем и местной администрацией, завтра отправляюсь на объект вместе с мэром будем составлять смету...

Проснуться!

Проснуться!

Я треснул кулаком по ляжке.

Просыпайся уже!

Не сработало. Я плюхнулся на пол и откинулся на стену. Затылок гулко бухнул о дерево.

– Это не сон, а другой слой мира, – после небольшой пау-

зы продолжил «энт». – Представь, что это перекрёсток в тумане. Видишь только ту дорогу, которую указывают фонари. Туман скоро рассеется, но ты к тому времени уйдёшь так далеко, что обратного пути не будет.

– Ну так выпусти меня! – охрипший голос ободрал горло как крепкая папироса.

– Я больше не фонарщик, – пожал он плечами. – Я просто одинокий дуб, который ждёт молнию.

Он вздохнул и провёл длинными пальцами в танцующей пыли. Пылинки засветились, составляя странный узор.

– Тогда спрячь!

Что-то же можно сделать! В сказках хитрые люди всегда дурили людоедов и прочих монстров.

– Она всё равно найдёт тебя. Это её игровая площадка, когда она решит, что пора заканчивать, тебя ничто не спасёт.

– Но что-то же можно сделать? Скажи, ты же мудрый энт!

– Энт? Хе, так меня ещё не называли, – запах усилился, наверное, он так смеялся. – Она привязана к этому месту. Не станет дома, не станет и нас с ней, – вздохнул он как вздыхают, объясняя что-то в десятый раз глуповатому ребёнку. – Но никаких факелов не хватит, чтобы трижды проклятый дом загорелся. Нужно жертвенное пламя.

– Это как? – мне уже стало всё равно. – Будем проводить обряд?

– Хорошо бы, но на это нет времени – из-под его век блеснул изумруд. – Мы поступим проще. Ты меня убьёшь. До-

станешь моё сердце и подожжёшь дом. Этот огонь выведет тебя на правильную тропу, а нас с ней...

Он осёкся. Я вспомнил леденящий холод и хищные тени на колоннах, а потом помотал головой. «Энт» печально усмехнулся.

– Иного я и не ожидал. Век славных героев давно канул. Современным людям всё надо показывать и объяснять. Что ж – узри!

Апельсиновый шар только-только закатился за горизонт, в оранжевые лужицы света можно было макать перья-облака, чтобы писать чудесные стихи. Или рисовать пейзажи. Маша шла, мурлыча под нос; тёплая после длинного дня тропинка мягко стлалась под ноги. Сушки кончились ещё на дороге, но это не беда: дома ждал обед. Она потянула носом: в богатую палитру лесных ароматов, кажется, действительно вплелись нотки борща. Ноги сами припустили вперёд.

Сколько себя помнила; ещё косу не заплетала; Машу всегда тянуло в лес. Она готова была пропадать там часами, слушая птиц или наблюдая, как ветер меняет узор листьев. Грибов и ягод всегда находила больше, чем все остальные вместе взятые. Самые богатые поляны находила, когда другие проходили мимо.

А на праздники, когда папа приходил домой выпимши, всегда убегала в лес, и никто «ту проклятую рыжуху» найти не мог. Когда посылали к лешему (а это случалось часто,

за словом Маша в карман не лезла) всегда тут же бежала к знакомым деревьям. Надеялась, что хоть в этот раз сбудется старая примета, и ей повстречается лесной хозяин, но, видать не глянулась она.

Девушка пригорюнилась. Скоро надо будет выходить замуж, а тогда прости прощай лесные прогулки.

Резкий порыв ветра рванул сарафан. Пахнуло сиренью. На дорогу вышел тот, встречи с которым она так долго искала. Выше осин, с коричневой корой вместо кожи, разлапистыми как кленовые листья, ладонями. Он наклонился и посмотрел Маше в глаза долгим зелёным взглядом из-под мшистых бровей. А она ответила прямым взглядом таких же изумрудных глаз. Не успела ничего сообразить – не то, что сказать! – как уже сидела на широченном плече, а буйный ветер весело заметал следы на пыльной дороге.

Свадьбу сыграли той же весной. Да какую! Весь лес хохотал и шатался, пьяная луна отбивала коленца и закручивала тёмно-синий платок со звёздами. Хмельной ветер ломился в наглухо запертые ставни. Из деревни несколько дней никто и носу не казал.

Хозяйство оказалось большим и сложным. Но Маша везде успевала, недаром она теперь Лешачиха. Не только по дурацкому детскому прозвищу, но и по-настоящему! За оленятами присмотреть, медведей разными тропами развести, чтобы не подрались, кабанов на правильное пастбище выгнать, да присмотреть, чтобы кикиморы не шалили.

Каждую зиму они с мужем дремали вполглаза в большом старом дубе. Это было их любимое место. С холма открывался чудесный вид на излучину реки и деревню. Они сидели на ветвях часами, обнявшись и говорили о том, что пока есть в этом мире этот дуб, останутся живы и они.

Тем временем, людей становилось всё больше, деревня росла. Сначала там построили большой причал, потом положили на землю длиннющие железки. По железкам сначала редко, а потом всё чаще начал греметь громоздкий воючий червь с людьми внутри. Выше церквушки встали заводские трубы. Охотники извели медведей и кабанов. Новая лесопилка сожрала любимую машину рошу. Там, где раньше были поляны, теперь урчали тракторы. С каждым годом Маша становилась мрачнее, а её муж спал всё дольше. Поначалу они пытались наказывать нарушителей как встарь. Но на место каждого загубленного дровосека приходил десяток новых. Леший теперь не приводил охотникам дичь, а уводил их от неё. А Маша охоту не бросила. Помогала мужу морочить лесорубов, отваживала от заповедных мест. Это помогло ненадолго: олени ушли, уток повывели, а последнего медведя застрелили. Рядом с одними рельсами положили другие, червей-поездов стало больше. Вырубки подходили всё ближе к холму.

Как-то зимой Маша проснулась от того, что ствол любимого дуба трясся. Лесорубы добрались до холма. Жадное железо впивалось в ствол. С каждым ударом топора силы уте-

кали.

Она бросилась трясти мужа, но тот спал непробудным сном. В последнюю минуту Лешачиха выпрыгнула из дерева. Ей оставалось только смотреть, как со скрипом повалился могучий исполин, заперев в себе лешего. Она осталась одна.

Дуб оттащили на лесопилку и разделали на доски, которыми потом обшили стены в новенькой гостиницы в центре города. Лешачиха ходила туда несколько раз. Плакала и звала, но никто не отвечал.

Тоска и горе поселились в её душе. Она ушла в самую глухую чащу, забилась под корягу и заснула чёрным сном, наполненным слезами и ускользающим светом. Лес приходил в запустение. Прежние грибные поляны запаршивели, ручьи стали болотами, буреломы перегородили тропы.

Когда спать стало невозможно, а слёзы сменились пустотой, она вышла наружу. Среди десятка деревьев тянулись твёрдые дорожки и стояли скамейки, а снаружи... Куда ни кинь глаз, тянулись каменные коробки. В каждой коробке в тесной клетушке теснились люди. Они пировали на костях леса, кичились собой, кутаясь в шкуры бывших подопечных Лешачихи.

Маша бессмысленно шаталась по тёмным улицам, не понимая, почему всё ещё жива. Тонкая струйка еле уловимого, смутно знакомого запаха привела её к дому. Долго не могла она вспомнить, что это, пока со стены на втором этаже на неё не глянул знакомый изумрудный глаз.

– С тех пор она здесь, – вздохнул мой собеседник. – Заперлась здесь со мной. Бродит по комнатам, медленно сходит с ума. Иногда выходит на улицу, а когда возвращается, от неё пахнет кровью. Иногда играет с такими, как ты. Кажется, она уже не помнит, кто она. Это моя вина, я слишком хотел жить, цеплялся за то проклятое дерево... И вот...

Я слушал молча, перед глазами плавали пятна. Он этого не замечал.

– Помоги мне исправить содеянное. Хочешь вернуться на тропу? Зажги фонари.

Старый леший стоял неподвижно. Если бы не глаза, его можно было бы принять за высохший дуб.

Я протянул ладони, кора на его груди расступилась. Зачерпнул столетней любви и тяжёлой ненависти. Вынул и выплеснул. Пальцы немного покраснели, как от лёгкого ожога.

Там, в глубине что-то шевелилось, билось как пойманная птица.

Я зачерпнул второй раз. Сожаление. Тускло блестящее как ртуть, тяжёлое и ядовитое. Руки горели, но я не смотрел на них. Просто выплеснул.

Руки онемели по локоть, но это уже не имело значения. Я представил как тянусь всеми силами, всей душой туда, где билось яркое пламя.

В лицо мне дохнуло жаром и светом. Великая сила пульсировала в моих ладонях. Сила горечи и любви, её бы хва-

тило отомстить людям и стать хозяином нового леса. Возродить прежнюю красоту. Жестоко отомстить предавшей меня. Надо было только оставить искру себе.

Я разжал ладони. Пусть летит.

За моей спиной полыхал дом. Пламя гудело, трещали обваливающиеся балки. Не думал, что он займётся так быстро и так сразу.

Где-то выли сирены.

Наверное, пожарные.

Руки лежали на коленях как чужие. Словно на бёдра положили две каменные дубинки. Я сидел и думал, что хочу разжать пальцы. Наконец, у меня это получилось, из правой ладони выпал жёлудь. Я наклонился и подобрал его.

Иногда самое главное – отпустить прошлое, чтобы начался новый круг.

Неподалёку от моей дачи есть большой холм. Весной я поднимусь на него и закопаю жёлудь там.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.